DT
30
A85

В. Арсеньев

Лесные люди

г. Владивосток
1926 г.

ДТ
30
А 185

В. К. АРСЕНЬЕВ

ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ
УДЭХЕЙЦЫ

КНИЖНОЕ ДЕЛО
ВЛАДИВОСТОК
1926

57517/8

СРОК ВОЗВРАТА КНИГИ.

26/VII11

DT
30
A 85

В. К. АРСЕНЬЕВ

39/5Х.31

ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ
УДЭХЕЙЦЫ

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
ИНВ. № 57514/8 М

Акц. Об-во
КНИЖНОЕ ДЕЛО

ВЛАДИВОСТОК
1926

56/2

ТИПОГРАФИЯ
АКЦ. О-ВА
„КНИЖНОЕ ДЕЛО"
ВЛАДИВОСТОК
ЛЕНИНСКАЯ
43

Окрлит № 921.

Тираж 3000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

«Если дикая и девственная страна подвергается колонизации, то влияние ее сказывается прежде всего не на флоре и фауне, а на человеке».

Л. Шренк.

Автор брошюры „Лесные люди—удэхейцы“ имел возможность познакомиться с туземцами, которые называют себя удэ(he), в то время, когда страна не подвергалась еще колонизации. Туземцы эти обитают в лесах по правым притокам Уссури и на побережьи Японского моря по ту сторону водораздела. На юге большое влияние имели на них русские и китайцы, но в центральной части горной области Сихотэ-Алиня, куда трудно было проникнуть, удэхейцы еще долго сохраняли свои обычаи и нравы.

Ныне, под влиянием культур, надвигающихся на них с юга и с запада, началась коренная ломка их общественного строя со стороны моральной и социальной. Инстинктивно чувствуя, что в лице корейцев, китайцев и русских к ним явились сильные конкуренты, туземцы начали оставлять веками насиженные места и отходить подальше в горы.

Если бы кто-нибудь из читателей пожелал теперь увидеть удэхейцев такими, какими они описаны в этой брошюре, ему пришлось бы совершить большое путешествие и забраться в самые истоки Хунгари, Анюя, Хора, Бикина и Копи. Но и там уже сказалось влияние цивилизации. В настоящее время удэхейцы сделали много заимствований у „завоевателей“ и многое утратили в своем укладе жизни, которая была так же безыскусственна и проста, как просты они сами.

Настоящая брошюра есть краткое и популярное изложение большого труда „Страна удэ(he)“, над которым автор работает

более 25 лет и к изданию которого он намерен приступить в ближайшем будущем.

Так как брошюра популярная и имеет в виду широкого читателя, туземные названия, которые встречаются в тексте, изображены русскими буквами (с допуском некоторых искажений), потому что транскрипция звуков, не имеющих в русском алфавите соответствующих знаков, довольно сложна. Например: „д$\frac{\ddot{}}{э}$(he)“ или „н$\frac{э}{ы}\widehat{нгу}'$ $\frac{ж}{ч}$önhyuni'“. Эти материалы (фольклор, грамматика и словарь) автор оставляет до специального изложения во втором томе „Страна удэ(he)“.

4 апреля 1926 г.
Г. Владивосток.

I.

Внешний быт удэхейцев.

Тазы, удэхейцы. Первоначальная родина. Причины вымирания. Физический тип. Характер. Одежда. Язык. Жилища. Приспособляемость к окружающей среде.

Лесные люди-удэхейцы занимают центральную часть горной области Сихотэ-Алиня. Численность их определяют около 1.700 человек обоего пола.

Раньше они распространялись далеко на юг. Наши звероромышленники Худяковы и старообрядцы из селения Красный Яр в начале семидесятых годов прошлого столетия видели их около Посьета, куда они спускались ради охоты за дорогими пантами. К западу от Сихотэ-Алиня удэхейцы жили по р. Даубихе, Улахе и Ното. С течением времени они частью вымерли, частью же, потесненные китайцами, отошли на север. Оставшиеся подверглись совершенному ассимилированию со стороны пришлого китайского населения и получили название «тазов».

Китайцы, обитавшие в Уссурийском крае, называли себя «ман-цзы», что значит «полный» или «свободный сын»; русских звали «мао-цзы», т. е. «люди, носящие шапку»; а всех туземцев — «да-цзы», т. е. «аборигены», туземцы. Так, да-цз'ами считались и гольды, и гиляки, и чукчи, и маньчжуры. Отсюда — солон да-цзы (солоны), «мунгуда-цзы» (монголы), «ю-пи да-цзы» (туземцы, одетые в рыбью кожу) и т. д.

Теперь в Уссурийском крае почти невозможно отличить «таза» от китайца ни по языку, ни по религии, ни по одежде. Они совершенно утратили свой первоначальный облик.

Первых «тазов» единичными личностями мы находим по рекам Сучану и Судзухе, но чем дальше подвигаться на север, тем они встречаются чаще и чаще.

Все тазы — природные охотники. Охота — единственная страсть, которой из их натуры не могли вытеснить манзы. Поэтому им разрешено было носить оружие. К тому же они имели право и на надел земли. Китайцы пользовались такой двойственностью, при удобном случае называя себя также

тазами, лишь бы остаться на месте и не быть изгнанными из Приморья.

Вот почему при наделе туземцев землею часто бывали случаи, когда бывший удэхеец должен был уступить свое место китайцу только потому, что последний сумел втереться в доверие к чиновнику. Подобные случаи ошибок, к сожалению, были не единичными и в последние годы. С другой стороны, и наши переселенцы не хотят признавать за тазами такое же, если не большее, право на проживание в Уссурийском крае, как и за русскими колонистами. Переселенцы совершенно не были подготовлены к встрече с туземцами, и потому с первых же дней между теми и другими создались отношения враждебные. Теснимые русскими и китайцами, удэхейцы начали оставлять родные могилы и веками насиженные места и уходить все дальше и дальше в горы. Особенно в тяжелом положении очутились южно-уссурийские тазы, которые волею судеб и на несчастье свое сделались оседлыми и потому без клочка земли, годной для хлебопашества, они теперь более существовать уже не могут.

Китайских женщин в крае очень мало. В большинстве случаев манзы берут себе в жены тазок силою или сманивают их разными подарками. Такой китаец, женившийся на туземной женщине, убежденно считает себя тазом. Однако, это ему нисколько не мешает, как только он накопит денег, уехать на родину и там снова назвать себя китайцем. Тазку с детьми, если она молодая, обыкновенно они передают друг другу, а в худшем случае, если она старая, бросают вместе с детьми на произвол судьбы без всякого сожаления.

Справедливость требует, чтобы такое потомство, оставшееся от смешанного брака китайца с тазкой, было причислено к туземному населению страны и чтобы ему было предоставлено право на надел земли наравне с прочими туземцами. К северу границею распространения этих окитаянных удэхейцев будет долина р. Ното и на побережьи моря— бухта Терней (р. Санхобе).

Тазы эти очень бедны, имеют нрав тихий, живут в маленьких фанзочках китайского типа, где-нибудь в стороне около гор и занимаются хлебопашеством. Они ни слова не понимают по-удэхейски, говорят исключительно по-китайски, не умеют ходить на лыжах и плавать по горным речкам и не могут делать лодок.

Дальше к северу по побережью моря от бухты Терней до р. Амагу живут те же тазы, но меньше подвергшиеся влиянию китайцев. Одежда их состоит из смеси китайского ко-

стюма с удэхейским. Многие из них знают одиночные удэхейские слова, но говорят по-китайски. Некоторые старики умеют делать лодки, с грехом пополам плавают по рекам и плохо ходят на лыжах. Эти тазы живут в китайских фанзах, занимаются летом хлебопашеством, а зимою — соболеванием. Китайцы называют их «чжагубай», что значит «кровосмешанные».

Еще дальше от мыса Белкина вплоть до реки Нахтоху и к западу от Сихотэ-Алиня, в бассейне Имана и реки Ваку встречаются уже такие туземцы, которые называют себя «удэ (хе)».

Одеваются они в свои пестрые костюмы, но говорят по-китайски, и только в том случае, если хотят между собою переговорить по секрету, объясняются на своем родном наречии. Живут они все же в фанзах, имеют у себя небольшие огороды, хлебопашеством не занимаются и проводят большую часть времени на охоте и рыбной ловле. Это будут первые удэхейцы, которые не держат у себя лошадей и рогатого скота. Способы передвижения у них обычные для туземцев: на собаках с нартами зимой и на лодках в остальное время года. Это будут первые удэхейцы, которые делают себе запасы «юколы» на год.

Еще выше вплоть до мыса Аку, по верхнему течению Копи, по всему Бикину, Хору, по р.р. Мухеню, Анюю и по низовьям Хунгари, живут настоящие удэхейцы. Мы видим, что эти последние занимают большую часть Уссурийского края и в численном отношении превосходят всех своих сородичей, взятых вместе, живущих от них и к северу, и к югу. Одеваются они в свои национальные костюмы, знают выделку рыбьей кожи. Фанз у них нет, живут в юртах и занимаются исключительно только охотой и рыболовством. Между собой говорят на родном языке и только счет да некоторые одиночные слова знают по-китайски.

Тазы русских имен не имеют и называют себя китайскими, напр., Сун-цай, Чан-Лин, Бао-ин и т. д. Удэхейцы вместо фамилии называют свой род (ео сэени), который отмечает местность, где исстари жили их отцы и деды. Напр., Намука —от слова «Наму», что значит море, Копинка—от р. Копи, Куинка—от р. Куй, Ауканка—от бухты Аука и т. д.

Название орочи, орочены, постоянно даваемое удэхейцам, появившееся в литературе со времен Шренка, совершенно неправильно и относится только к туземцам, обитающим в северо-восточной части Уссурийского края по р. Копи, Хади, Тумнину и по верхнему течению Хунгари. Следует всех тазов и так называемых «уссурийских орочей» объединить

под одним именем «удэ (хе)», как сами себя они и называют. Вся суть в том, что одни в большей, а другие в меньшей степени подверглись ассимиляции со стороны культурных соседей, преимущественно китайцев.

Отдаленна и незапамятна та эпоха, когда удэхейцы появились в Уссурийском крае. Хотя они живут на берегу Великого океана, но боятся моря. У них нет морской лодки, нет своего паруса. Все это указывает, что в места нынешнего своего обитания они пришли сухопутьем. В сказках их чувствуется влияние юга. Это народ континентальный, и первоначальной родиной его, по всей вероятности, была южная Маньчжурия.

В атласе исторических карт Маньчжурии *) мы находим, что в 1115 году по Р. Х. в бассейне правых притоков Уссури появляются две народности Цзираминь и Удага. В первых мы узнаем гиляков (цзи-ли-ми, ги-ле-ми, гилями), впоследствии оттесненных к устью Амура. Вторые распространяются по всему Уссурийскому краю и сохраняют свое самоназвание «удэ(хе)» по сие время.

В Маньчжурии в это время расширяет границы и укрепляется чжурчженское государство Цзинь. В 1284 году орды великого завоевателя Чин-Гиз-Хана докатились до берегов Великого океана и разрушили самобытное существование чжурчженей. Оставшиеся тунгусские племена понизились в культурном уровне и превратились в охотников и рыболовов.

В XVII столетии владетельный князь одного из аймаков, Нурхаци, объединяет разрозненные маньчжурские племена и наносит ряд поражений китайским войскам, а сын его Тайцзун окончательно овладевает Пекином и на китайский престол сажает свою династию. С 1607 по 1615 г.г. он предпринимает ряд походов к берегам Великого океана и завоевывает земли «Воцзи». С этого времени историческая нить прерывается, и страна, повидимому, пребывала в состоянии того запустения, в котором застали ее русские в 1857 году.

В Уссурийском крае в это время обитало четыре народа: китайцы (манцзы)—главным образом в южной части страны, гольды—по Уссури, орочи—по р.р. Копи и Тумнину, удэ(хе) (удага)—в бассейне правых притоков Уссури по р.р. Анюю и Хунгари, впадающих в нижний Амур справа, и в прибрежном районе к северу от залива Ольги до р. Ботчи

---

*) Составлен П. В. Шкуркиным и И. Г. Барановым в 1925 году на основании китайских источников и будет опубликован Обществом Изучения Маньч. Края в ближайшем будущем.

включительно. Эти последние (удэхе) подверглись влиянию культур, надвинувшихся на них с запада, и только те, что жили в глубине гор и лесов, куда китайцы и русские не успели еще проникнуть, сохранили в большей чистоте свои обычаи и нравы.

Тазы с реки Такемы. У мужчины костюм китайский, у женщины—туземный.

Если этнографические карты 1881 года (академика Шренка) и 1894 года (приложенную к трудам Приам. Русского Географического Общества) сравним с современным расселением удэхейцев, то увидим, что перемены произошли, главным образом, на побережьи моря, в Южно-Уссурийском крае и по низовьям р.р. Имана, Бикина и Хора. В Уссурийском крае в миниатюре повторилось то же, что и при передвижении бурят, якутов, тунгусов к северу от Амура. Сначала китайцы потеснили туземцев, потом русские переселенцы потеснили китайцев. Последние отодвинулись в горы и в свою очередь снова потеснили удэхейцев. Центральная же

часть горной области Сихотэ-Алиня и все северные районы изменений не претерпели.

По рассказам самих удэхейцев, раньше их было так много, что, пока лебеди летели от р. Копи до залива Ольги, то от дыма, подымавшегося от множества юрт, из белых становились черными. Так говорили они о многочисленности своих поселений.

Какие же были причины их вымирания? Таких причин много. Раньше они жили лучше. Природа снабжала их всем в изобилии, и они совершенно не знали денег. Теперь же потребности к жизни увеличились, а тайга стала давать все меньше. Расход не стал уравновешиваться с приходом, а тут еще появились скупщики пушнины со спиртом и со своими дорогими товарами. Усваивая только внешнюю сторону цивилизации, занесенной к ним русскими и китайцами, удэхейцы не успевали за ними в борьбе за существование и начали все больше и больше отставать от пришельцев. Чужеземцы занесли к удэхейцам много новых болезней. Особенно сильно свирепствует среди них оспа, от которой удэхейцы вымирают с изумительной быстротой. В течение нескольких суток от целого стойбища не остается ни одного человека. Не менее опасна для них также и корь. Она страшна своими осложнениями, от которых они гибнут во множестве. Есть зарегистрированные случаи смерти от трахомы, когда целая семья охотников, потеряв зрение, не только не могла добыть средств для существования, но не имела возможности выбраться из тайги и погибала от голода. Главными распространителями заразы являются—питьевая вода, грязь в жилище, грязь на теле и то обстоятельство, что здоровые люди находятся под одной кровлей с заразными больными и имеют с ними постоянное и тесное общение.

Физический тип лесного обитателя-удэхейца—близок к тунгусскому. Средний рост мужчин—166 сантиметров, женщин—145 см. Фигура стройная, сухощавая. Среди них нет ни толстых, ни тонких; они все одинаковы и как бы вылиты из одной формы. Небольшая величина рук и ног бросается в глаза. Череп круглый, лоб несколько скошенный назад. Монгольская складка век развита в детстве, хотя у иных женщин она сохраняется и во взрослом состоянии; нос плоский, с низкой переносицей и, большею частью, выгнутый. Впрочем, на р. Кусуки и севернее до р. Самарги (в особенности на р. Един) можно было найти и горбоносых. Растительность на лице редкая. Волосы длинные, черные и прямые. Очень часто среди южно-уссурийских тазов можно встретить темно-русых, а детей—блондинов. Цвет глаз—карий. Кожа—грязно-

смуглая, со слабым оттенком желтизны. Особенно поражает сильно развитая скуластость у женщин, так что лицо в действительности шире черепа и имеет форму пятиугольника. Этой скуластости нет у мужчин, она не выражена и у детей и, повидимому, развивается только по женской линии с возрастом.

Удэхейская женщина с р. Кусуна. Костюм туземный, обувь китайская.

Осторожные, молчаливые и скрытные удэхейцы обладают удивительной выдержкой характера. Они говорят тихо, лаконически и никогда не спорят. Выражение лица бесстрастное, словно на него одета маска. Ни один мускул не дрогнет и не выдаст его душевного настроения.

И молодые и старые держат себя всегда с достоинством. Удэхейцы вместе с тем экспансивны и впечатлительны. Переход от мысли к делу очень быстрый. Иногда же, наоборот, задуманное дело откладывается в долгий ящик, если оно является необходимостью или должно быть выполнено по принуждению.

Одежда мужчин состоит из халата (тэга), узких штанов (хэйги), наколенников (амуги), нарукавников (адакты), головного покрывала (помпу) и маленькой шапочки (богдо). Халат—маньчжурского покроя, застегивается с правой стороны почти под мышкой и подпоясывается узким ременным поясом так, чтобы вокруг талии был небольшой напуск. Штаны и наколенники тоже привязываются к ремню. Нарукавники надеваются для того, чтобы в рукава не залезала мошка и не задувал ветер. Головное покрывало—всегда белого цвета—имеет вид капюшона такого размера, чтобы оно закрывало плечи и сзади опускалось углом до середины спины. Шапочка обычно делается из козьих лапок и оторочена узкой полоской меха выдры. Наверху в стоячем положении на ней прикреплен беличий или соболий хвостик. Летняя обувь—кожаные унты, а зимой унты того же покроя, но сшитые из рыбьей кожи.

Весь костюм удэхейца, от головного убора до обуви, богато и красочно разукрашен орнаментами, вышитыми цветными нитками. Раньше одежда их шилась из выделанных звериных шкур и рыбьей кожи. В настоящее время они стали покупать различные материи у русских и китайцев, а красивые вышивки свои заменять полосками дешевого ситца.

Зимой одежда удэхейцев большею частью шьется из ровдуги. Костюм из рыбьей кожи непромокаем и является плохим проводником холода, почему, одетый поверх другой одежды, является незаменимым для охотника и рыболова.

Особенной пестротой костюма отличается одежда женщин. Помимо того, что вся она сшита из отдельных цветных полос и сплошь разукрашена узорными вышивками, она вся увешана мелкими раковинами (кяхта), бубенчиками и медными побрякушками (абду) так, что при всяком движении издает мелодичный шелестящий шум.

Обыкновенно женщины носят две-три рубашки, одну поверх другой, короткие панталоны, наколенники, унты, а на голове—платок или полотенце, в носу серебряные украшения (тематыни), в ушах серьги в виде больших колец с цветными бусами (уайга) по одной или по нескольку пар, вследствие чего мочка уха несколько оттянута. Ушные серьги раньше

носили также и мужчины, но теперь обычай этот почти вышел из употребления. Зато они большие любители колец и браслетов.

Выше было сказано, что по окраинам территории, занятой удэхейцами, они смешались с соседними народами и сделали у них много заимствований. Они были слабы физически и слабы духом. На юге на них имели влияние манзы, на севере—орочи, на западе—русские и гольды. Получился ряд наслоений, под которым уже трудно видеть прежнего удэхейца. Этим объясняется такое обилие в их языке наречий.

Удэхейцы с. р. Анюя. В середине группы—автор.

На каждой реке они имеют свой особый говор. Прибрежные «намука» говорят языком, отличным от своих сородичей на Бикине, удэхейцы с р. Имана едва могут объясниться с людьми на р. Анюе и Хунгари и т. д.

Язык удэхейцев богат гласными звуками, иногда с удвоениями и утроениями одной и той же буквы. Напр., «Ая»—хорошо, «ыи»—это, «уо»—гора, «ули»—вода, «инаи»—собака, «уа»—туман, «Яаи»—название реки, «ейни-ая»—очень хорошо, «кяаса»—орел, «эымо»—моллюск, «куан»—баклан, «васаа-адианан»—погоди немного и т. д. Вследствие обилия гласных звуков речь их полна интонации, которая иногда

принимает певучие оттенки напр.: «Анаа-анана», т. е. давно-давно...

У них нет никакой письменности, нет даже знаков, которые изображали бы цифры, но есть свои условные таежные знаки. Например, воткнутая заструганная палочка—есть обращение внимания прохожего, что это дело рук человека. Если же рядом с нею воткнут надломленный и согнутый прутик, то он указывает направление, куда пошел человек, оставивший эти сигналы. Положенный на ветку дерева мох или

Тазовская фанзочка и рядом типичный удэхейский амбарчик на сваях. Р. Иман.

пучок сухой травы означает, что охотники здесь не задерживались и прошли мимо. Положенная на землю стрела говорит, что немного дальше через дорогу насторожен самострел и потому следует быть осмотрительным.

Теперь попытаемся сделать краткое описание жилища лесных людей. Когда вы подходите к юрте, вам прежде всего бросается в глаза множество жердей, стелажей и палок, на которые вешается рыба. Тут же на берегу сушатся развешанные на кольях сети и лежат опрокинутые вверх дном лодки. Завидев незнакомого человека, десятка два собак подымают неистовый лай. Недалеко от жилой юрты высится свайная постройка. Это амбар (цзали), куда складывается сухая рыба, мясо а также все, что есть ценного.

В настоящее время многие удэхейцы обзавелись фанзами китайского типа, но жить в этих домах им приходится мало, потому что летом они ловят рыбу и все время проводят в берестяных балаганах (каунва), а осенью уходят на охоту и соболевание, из которого возвращаются только в марте месяце.

Юрты удэхейцев сделаны из древесного корья и представляют из себя двускатную крышу, непосредственно поставленную на землю. Чтобы корье не коробилось от сухости и чтобы его не сорвало ветром, его снаружи прижимают лесом; щели не заделываются вовсе—их просто за-

Удэхейская юрта в виде двускатной крыши, сделанной из елового корья.

сыпают снегом. Входы в юрту иногда бывают с обеих сторон и завешиваются полотнищами палатки или кусками бересты, растянутыми на палках. Вверху в крыше оставляется отверстие для выхода дыма.

Как только вы войдете в дверь, вы непременно должны согнуться и пролезть или вправо, или влево, иначе вы прямо попадете в огонь. Костер расположен посредине жилища. Стоять в юрте нельзя, надо или лежать, или сидеть. По обе стороны вдоль огня положены берестяные подстилки, устланные звериными шкурами. В головах—коробочки, сундучки и свертки с различным имуществом. Тут же, где-нибудь за корье, заткнуты шаманский бубен, ружье, сошки, копье, самострелы и прочие охотничьи принадлежности.

Женщины и дети помещаются около дверей, в одной стороне юрты, мужчины—с другой стороны. Если в юрте живут несколько семей, то каждая чета имеет свой угол. В той стороне, где помещаются женщины, на грубо-связанных полках сложена вся кухонная утварь, сделанная из дерева или бересты и один или два котла, купленные у китайцев. Над огнем, на деревянном крючке висит чайник.

Это жилище со всем его скарбом столь несложно, что удэхеец, когда убьет какого-нибудь крупного зверя, вроде лося, предпочитает не зверя тащить к дому, а вместе с семьей перекочевать к тому месту, где лежит убитое им животное. Вот чем объясняются частые находки в тайге покинутых юрт. Жилище строится из материала, находящегося под рукою. Высокою температурою юрты похвастаться удэхейцы не могут. Люди согреваются только лучистою теплотою костра. И в этой температуре живут и женщины, и дети. Почти все время они сидят на корточках у костра и греют свои руки. На ночь, во избежание пожара, огонь гасится. Сквозь открытое дымовое отверстие в крыше видны звезды на небе, и тогда температура в жилище сравнивается с наружною.

Привыкая с детства к холоду, удэхейцы приобретают закал и потому легко переносят стужу. Нередкость видеть зимой, как маленькие дети, в легкой одежонке, с непокрытой головой, таскают из амбара мороженую рыбу. Так работают они целый день, несмотря ни на ветер, ни на сильную стужу, только время от времени бегают в юрту, чтобы погреть у огня свои озябшие ручонки. Однажды зимой, в 1907 году, на р. Кусуне я с тремя своими спутниками ловил подо льдом рыбу. Погода стояла холодная и ветреная. На реке была сложена солома для факелов. Покончив с ловлей, мы все забрались в балаган, оставленный японцами, и стали греться у огня. Не пришел только удэхеец Логада. Обеспокоенные его отсутствием, мы пошли его разыскивать. Велико было наше изумление, когда мы нашли его спящим на соломе под открытым небом. Волосы его заиндевели и кожаную куртку кое-где занесло снегом. Я разбудил Логада, он сел, стал очищать от инея смерзшиеся ресницы и спросил, что случилось. Он не озяб, это видно было по тому, что он не шевелил плечами. Я уговорил его идти в балаган. Напившись чаю, Логада стал шутить, и когда кто-то из моих спутников спросил его, почему ему не холодно, он шутливо отвечал: «Я грел спину на месяц».

II.

Общественный строй.

Разделение труда между мужчиной и женщиной. Рождение ребенка. Воспитание детей. Выезд на охоту за соболем. Брак. Родовые отношения. Кровавая месть. Суд.

Общественный строй удэхейцев весьма оригинален. У них власть отсутствует. Никому в голову не приходит мысль главенствовать над другим. И вместе с тем развито почитание старших. Так, молодой человек предпримет что-либо только в случае, если получит одобрение стариков. Но это до тех пор, пока сам старик не почувствует свою дряхлость. Тогда все права в семье переходят к старшему сыну. Глубокие старики, как и старые женщины, становятся хранителями традиций старых обычаев и обрядов.

Во всяком деле руководители являются сами. Идут ли удэхейцы на охоту, во главе становится наиболее опытный; он распоряжается, все подчиняются его указаниям и все знают, что это его дело. Едут ли они по морю в лодке, голос остается за человеком, которого все знают, как хорошего мореходa. Русские учредили среди них административных старшин. Удэхейцы исполнили это требование добросовестно. Они назначили старшин, с глубоким убеждением, что это нужно не для них, а для русских, а сами остались жить по старым своим законам и обычаям.

На стойбище каждая семья живет своей жизнью; тут уже строй патриархальный. В семье распоряжается старший. Все это выходит просто, само собой. Ни разу я не слыхал, чтобы младший вступал в пререкания со старшим и ни разу не было случая, чтобы старший не выслушивал младшего, и не единичны примеры, когда решения большого собрания изменялись по реплике десятилетнего подростка.

Удэхейцу незнакомо чувство эгоизма. Дайте ему какого-нибудь лакомства, он ни за что не будет его есть один, он попробует и поделится со всеми его окружающими. Убьет ли он на охоте оленя, поймает ли рыбу, привезет ли

муку,---он не отдаст все это только своей семье, но поделится и со всеми соседями.

Внимание к чужим интересам, к чужой нужде в нем так же развито, как и забота о своей семье. Если у удэхейца не хватило продовольствия, он просто идет к соседу, зная, что ему никогда не будет отказа. Не раз я видел, как жены, у которых мужья уехали на охоту и запоздали с лишним на месяц, ежедневно брали продовольствие у соседа. Сколько раз случалось, что удэхейцы присылали мне лосиного мяса ровно столько же, сколько оставили себе и сколько рассылали своим ближайшим сородичам. Вот почему семья умершего никогда не остается без средств к жизни. Если нет близких родственников, ее будет содержать весь род, если она другого рода, ее будут содержать чужеродцы и притом не будет делаться никакого различия между нею и своими женами, между ее детьми и своими. Смерть человека вне его вины Не поддерживать чужую семью—великий грех. Опасность одному человеку есть опасность всему роду, всему народу.

Нельзя также обойти молчанием гостеприимства. Этот обычай требует оказывать внимание всякому путнику. Прежде всего гостю предлагается чай, юкола и сушеное мясо; ему не надо заботиться о собаках—их накормят, как следует. Вечером, после ужина, женщины высушат его одежду, осмотрят обувь и, где нужно, сделают починку, или дадут новые унты, а самая младшая из женщин набьет их свежею травою и приготовит одежду.

Забота о соседях, хотя бы они были и инородцы, сказывается во всех мелочах. Например, если о соседях, живущих на той же реке, они долго не имеют известий, то посылают к ним кого-нибудь из своей семьи справиться, здоровы ли те, не случилось-ли чего-нибудь и не нуждаются ли они в какой-либо помощи.

Раздел земли они так же не понимают, как раздел воды и воздуха, которыми пользуются наравне и люди, и звери, и птицы. Кто где хочет, тот там и селится. За последние двадцать пять—тридцать лет часть орочей перекочевала на Хунгари и никто из удэхейцев, живущих на этой реке, не протестовал против этого. Обратное явление—несколько семей удэхейцев перешли на Копи, и копийские орочи отнеслись к этому так, как будто эти удэхейцы живут здесь исстари. Так как удэхеец всегда найдет у своего собрата все, в чем он нуждается, равно и сам он отдаст соседу то, что нужно последнему, краж среди них нет. Им и в голову не приходит мысль, что они могут что-то украсть. Вор, по их понятиям —

урод, сумасшедший. Зачем красть, когда сородич и так даст просимое, если только у него оно имеется. Поэтому их жилища и амбары никогда не запираются. Замков ни у кого нет. Только входная дверь в балаган припирается колом или палкою, чтобы ветер ее не открыл и чтобы туда случайно не зашла собака.

Наивная честность их прямо-таки трогательна. Однажды на р. Кусуне один удэхеец обратился ко мне с жалобой на старообрядцев. Дело было в том, что приехавшие в Уссурийский край на р. Тахобэ староверы отобрали у него соболиные ловушки и воспретили ему заниматься охотою в местах своих поселений. Я уговорил старообрядцев, чтобы они уплатили ему за ловушки. В разговоре старообрядцы сами рассказывали мне, что этот же самый удэхеец, проходя однажды по тропке, где были его ловушки, которые уже отошли к русским, случайно увидел, что одна из них упала и задавила соболя. Он поднял ловушку вынул соболя, завернул его в бересту и повесил на дерево, пока не придет хозяин, а ловушку наладил опять, чтобы она не пустовала. Даже и тут оказалось внимание к чужому интересу, внимание к интересу обидчика...

В настоящее время честность удэхейцев начала падать. Они стали немного лукавить. Так, например, они теперь не скажут, сколько поймали соболей, и стараются худшие из шкурок сбыть за долги скупщикам пушнины, а две или три лучших припрятать и потом продать их где нибудь на стороне. Они привыкли, что их обманывают на каждом шагу и потому такой невинный обман с своей стороны не считают за грех.

Надо поражаться, насколько удэхейцы приспособлены к борьбе с природою. Охота на хищных зверей—обычное их занятие, снежные бури, частые наводнения, постоянный риск жизнью—все это развило в них находчивость и инициативу. Этот дикарь в трудную минуту не потеряет рассудка и с честью сумеет выйти из затруднительного положения. В тайге европейцу за ним не угоняться. Не раз мне приходилось видеть, как, ругая сына, когда тот сделал что-нибудь неладное, старик в сердцах говорил ему: «Омуты лоца», т.-е.—«все равно, как русский».

В основу питания удэхейцев ложится рыба. Юкола (или—катали намихта) для них то же самое, что для земледельцев хлеб. Без юколы они терпят такую же нужду, как и русский пахарь в неурожайные годы. Юколой удэхеец кормится сам, кормит свою семью и всех своих собак. Даже при самой

лучшей и обильной пище они скучают по юколе и всегда предпочитают ее рису, до которого, кстати сказать, они тоже большие охотники. Удэхейцы едят сырую рыбу не только зимою, но и летом. Самое большое лакомство—головные хрящи кеты или горбуши. Они очень часто употребляют в пищу и сырое мясо. Как то раз мы убили лося. Удэхейцы тотчас бросились к животному, вырезали у него ноздри и тут же съели их сырыми. Затем они стали есть сырую печень, потом разбили топором кости ног и стали высасывать из них костный жир.

Самым замечательным блюдом является «сяйни». Две женщины жуют: одна рыбу, другая—сырые ягоды и обе сплевывают жвачку в одну чашку. Затем эта смесь размешивается, к ней добавляется немного нерпичьего жира и преподносится гостю, как знак особого к нему внимания. Гость освобождается от жевания: ему остается только глотать.

По подсчету самих удэхейцев, им в год на семью, состоящую из мужа, жены, двух детей и старухи матери, кроме юколы и мяса, нужно разных товаров и дополнительного продовольствия на 350 рублей. Эти деньги они должны добывать охотой и, главным образом, соболеванием.

Труд между мужчиной и женщиною строго разграничен. На мужчинах лежит охота, рыболовство и соболевание — (так сказать, добывающая промышленность). На женщине— вся домашняя работа, работа около юрты и шитье одежды (обрабатывающая промышленность). Дело мужчины поймать рыбу, дело женщины выпотрошить ее и приготовить юколу. Как бы много ни было работы у женщины, помогать ей мужчины, если они дома, не станут. Они лежат, равнодушно поглядывают на женщин и курят свои трубки. Поэтому и кажется, будто женщина работает больше, чем мужчина. Зато, когда последний пошел следить соболя, он гоняет его по следу подряд двое, трое суток, голодает и выбивается из сил.

Было бы ошибочно думать, что удэхейская женщина, будучи привязана к дому, лишена инициативы и не приспособлена к борьбе с природою. В этом отношении она нисколько не уступает своему мужу. Один раз я был свидетелем такой сцены. Мужчина возвратился с охоты и сообщил жене, что убил изюбря и что зверя надо перенести к дому, а сам ушел снова на охоту. Когда женщина отправилась в горы, я пошел с нею. Скоро по следам она нашла убитого оленя и принялась за работу. Я любовался, с какой ловкостью она освежевала зверя. Видно было, что эта работа для нее была не-

впервые. В несколько минут она вырубила сошки, быстро без проволочек наладила их для носки на спине и в три приема перенесла все мясо к своей юрте. Сколько раз случалось видеть, как одна девушка, без всякой посторонней помощи, на быстрине реки перевозила на лодке моих спутников и только просила их, чтобы они не мешали ей работать и сидели спокойно.

Это разделение труда между мужчиной и женщиной сказывается и в положении ее в семье. Она дома держится особняком, ест отдельно от мужчин и не участвует в праздненствах медведя. Вот почему женщина более угрюма, более молчалива, чем мужчина. Она ведет обособленный и замкнутый образ жизни.

Женщина в период родов считается нечистой. Ей в то время нет места в общей юрте. За несколько дней до родов, шагах в полутораста от жилого помещения, муж делает жене маленькую юрточку, похожую на соболью конуру. Там, несмотря ни на какой мороз, помещается роженица. Муж жену не навещает, только одна какая-нибудь старая женщина подает роженице через дверь дрова и пищу, но сама к ней тоже не входит. Как только родится ребенок, ему перевязывают пуповину и, если это случилось летом, его моют холодной ключевой водой, если роды произошли зимою, ребенка кладут в снег, потом растирают и заворачивают мальчика в медвежий мех, девочку—в мех рыси, белки или молодой кабарги; затем ребенка передают матери. После этого женщина переползает в другую такую же маленькую юрточку, построенную рядом. В этой, второй, юрточке мать с ребенком проводит еще десять суток и только после такого карантина она является в общее жилище. Мать тотчас обмывает ребенка и сажает в зыбку, наполненную мягкими стружками гнилого тальника, растертыми в порошок. Они часто заменяются новыми, сухими. Когда ребенок немного подрастет, его сажают в другую люльку, сделанную из двух лубковых половин под углом в 120° гр. Под люльку подвешиваются, вместо побрякушек, бубенчики, пустые гильзы и кости рыси. Поверх ребенка кладется узорчатое одеяльце, украшенное бисером и цветными пуговицами, а сверх одеяльца, крест на-крест и сквозь боковые отверстия зыбки, протягиваются тонкие ремешки; в этом и заключается все пеленание ребенка. Если ребенок плачет, мать ставит люльку на поперечное ребро и, качая ее, монотонно, под шум побрякушек, припевает: «ба-а-ба! ба-а-ба»!

Приспособляемость к борьбе с природою развивается

с малого возраста. Едва мальчик начинает вставать на ноги, как к его поясу привязывается два ножа. Не беда, если он обрежется, зато он приучится владеть ими в совершенстве. С десяти лет он уже помогает отцу на охоте и рыбной ловле.

В 1907 году на р. Самарге я был свидетелем, как три мальчика 7, 9 и 10 лет лучили ночью рыбу на такой быстрине реки, где я не рискнул бы ехать и днем.

Вот еще одна особенность—мальчику в трудную минуту редко приходят на помощь. Ему предоставляют самому выходить из затруднительного положения. Однажды я наблюдал на р. Кусуне, как один мальчуган, заметив, что мышь постоянно ходит по одному и тому же месту, решил ее поймать и стал настораживать самострел. Но это ему не удавалось. Ребенок начал нервничать и готов был заплакать. Я хотел ему помочь, но отец остановил меня. «Пусть сам думает», сказал он. Мальчик действительно додумался, приспособился, и мышь была поймана. То же самое и девочки. С малых лет они помогают матери, таскают дрова, носят воду, чистят рыбу, выделывают кожу и приучаются владеть иголкою.

Все удэхейцы: и мужчины, и женщины, и взрослые, и малые курят табак. Все дети имеют трубки. Кормление грудью весьма продолжительно и затягивается иногда до 3-х и 4-х лет. Иногда случается видеть мальчика, которого мать только что отогнала от груди. Он чувствует себя обиженным, из глаз его текут слезы, он садится к огню, достает свою трубку, набивает ее табаком и, всхлипывая, раскуривает ее угольком.

Удэхейцы—удивительные мастера плавать по рекам на своих долбленых челноках. Кому случалось видеть горные реки, тот может себе представить, насколько опасно по ним плавание. Быстрота течения доходит до 10—18 верст в час. В области порогов, от шума пенящейся воды, нельзя говорить, надо кричать друг-другу на ухо. И вот по таким-то местам плавают удэхейцы на своих челноках. Управляют лодкой два человека: один стоит на носу, другой на корме сзади. Тут нужны отвага, ловкость, глазомер и физическая сила. Малейший промах, малейшая оплошность, и все погибло.

Каждый раз, глядя на удэхейцев, невольно удивляешься их бесстрашию и привычке рисковать жизнью. Тем более это удивительно, что среди них нет ни одного человека, который умел-бы плавать. Вот почему они никогда не купаются, они боятся. Удэхейца никогда нельзя уговорить идти в реку, если ее надо перейти в брод, и она более или менее глубока.

А между тем на быстрине реки в лодке, когда и хороший, опытный пловец почувствовал бы страх, они вовсе не замечают опасности и работают шестами с таким видом, как будто под ногами у них твердая почва.

Все удэхейцы замечательные мастера бить острогою рыбу. Если она проходит далеко от лодки и достать ее нельзя, они бросают в нее острогою и почти всегда без промаха. Так же они бьют и плавающих птиц, когда они, прячась от людей, ныряют в воду и стараются пройти мимо лодки незамеченными.

Лесные люди—страстные охотники и отличные следопыты. Если удэхеец нашел след соболя, китаец платит ему за шкурку зверка вперед, как будто этот соболь уже у него в кармане. Если пойманный соболь окажется высокого качества, китаец ему доплачивает, сколько следует. В пути от зоркого глаза удэхейца ничто не скроется. Он знает, какой зверь и когда прошел, молодой или старый. Оставленный бивак он осматривает с особым вниманием и точно определяет, кто ночевал, сколько людей, какой национальности, чем они занимаются и куда направились.

В тайге кругозор всегда ограничен. Таинственная лесная тишина, полная опасности, окружает охотника и заставляет его быть всегда настороже. Он не столько боится диких зверей, сколько человека. Поэтому удэхеец идет так, чтобы не оставить после себя следов. Он никогда не выйдет на открытую поляну, а обойдет ее стороною по опушке леса. Когда удэхеец плывет по реке на оморочке (омо — один, ороч—человек), то держится глухих проток или скрывается у берегов под кустами. На повороте, когда нужно переехать на другую сторону, удэхеец придерживает лодку и осматривает впередилежащее плёсо, нет ли кого-либо на реке и только убедившись, что она пустынна, он быстро переплывает ее и опять скрывается под кустами. Завидев издали чужую лодку, он остановится и прежде всего старается определить, с кем имеет дело. Если это не сородичи, он притаится в зарослях ближайшей протоки или, выйдя на берег, ложится в траву и наблюдает за проплывающей мимо лодкой.

Лесные обитатели Уссурийского края самые искусные охотники в мире. Они знают повадки всех зверей, знают, где и когда их можно найти, и в этом отношении на всем Дальнем Востоке не имеют себе равных.

Одним из самых интересных их промыслов будет охота на лося в ночное время.

В начале июля в тайге появляется такое количество мошкары, что все звери покидают низменные места и взби-

раются на гольцы, где ночной ветер дает им прохладу. Только один лось остается внизу и держится около реки. Время от времени он залезает в воду, затем выходит на берег и пасется, пока шерсть его мокрая. Но вот он начинает обсыхать. Укусы крылатых кровопийц в пахах ног становятся все чувствительнее. Лось жмется, лягается и продолжает кормиться; но и его терпению есть предел. Тогда он срывается с места и с шумом бросается в реку. Он весь погружается в воду, оставляя на поверхности только ноздри, глаза и уши, как раз места, наиболее уязвимые. Он фыркает, мотает головой и своими большими ушами хлопает по воде, обдавая голову целым потоком брызг.

Зная эту повадку зверя, два удэхейца садятся в небольшую лодочку и плывут по течению реки. У переднего в руках ружье, у заднего весло. Для удачной охоты нужна темная тихая ночь, надо, чтобы ветер тянул вверх по реке, навстречу лодке, иначе лось далеко почует приближение человека и убежит. При этом следует соблюдать величайшую тишину и так работать веслом, чтобы не было слышно всплесков. Разговаривать нельзя. Удэхейцы объясняются условными знаками: легкий толчок в правый борт лодки означает остановку, такой же толчок в левый борт—можно двигаться вперед, два толчка—увидел зверя и т. д.

В тихом ночном воздухе слышно, как лось купается. Легкий челнок, увлекаемый течением и управляемый искусной рукой охотника, без всякого шума все ближе и ближе подплывает к животному. На гладкой поверхности воды, в которой отражаются звезды, чуть-чуть виден силуэт громадного зверя. Еще мгновение и лодка с ним поравнялась. Слышно, как лось дышет, как капает вода с его морды, слышно, как он глотает водяной лютик—лакомая пища, которую он добывает около берега. В это мгновение красноватая короткая молния прорезала ночную мглу. Раскатистое эхо подхватило звук выстрела. Раненый зверь метнулся в ту сторону, куда он стоял головой. Охотник, сидящий в корме, одним ударом весла быстро вывел лодку на середину реки и задержал ее против течения. Лось шарахнулся в сторону. Слышно, как в кустах он барахтается со стонами. Через несколько минут шум стихает совсем. Тогда удэхейцы подходят к берегу, вытаскивают на отмель лодку, чтобы ее не унесло течением и разводят огонь, а затем отправляются к месту, где лежит убитое ими животное.

Все удэхейцы отличные бегуны на лыжах. Нынешняя молодежь уже не проходит таких расстояний, как старики

в прежнее время. Весной, когда снег занастится, ходоки пробегают по 100 километров в день. Искусство ходить на лыжах у них развито до виртуозности. Например, спускаясь по склону горы к реке, которая еще не замерзла, и опираясь на правило, ловкачи около самой воды описывают окружность и опять поворачиваются лицом в гору.

Все лето удэхейцы заняты рыболовством. Надо поймать рыбы столько, чтобы обеспечить семью на весь год, надо заготовить юколу и для собак. Недолов рыбы расстраивает все планы и вынуждает кредитоваться у скупщиков пушнины, преимущественно у китайцев.

Но вот кончается рыбная ловля, и удэхеец начинает собираться на соболевание. Он плетет сетку, готовит лыжи, кует стрелы; женщины шьют обувь и починяют одежду. Накануне отъезда все молятся и просят бога Эндури даровать удачную охоту. Всю ночь напролет они шаманят. Звуки бубна, резкий лязг металлических трубок, украшающих пояс шамана, и дикие завывания, похожие на стон и плач, слышны во всех юртах... Наконец, настает желанный день... Этот день самый знаменательный в году, это большой праздник. Мужчины одевают новую одежду; они все веселы, все ликуют, все радуются... Запряженные собаки выказывают крайнее нетерпение. Женщины выходят провожать своих мужей и братьев. Охотники садятся в нарты, и вмиг вся свора, спущенная с привязи, с лаем мчится по льду реки. Женщины машут руками, посылая приветствия мужьям и братьям. Через мгновение нарты исчезают за поворотом.

Прибыв на место, все удэхейцы тотчас вынимают из нарт деревянные изображения духов, ставят их поблизости, кормят их кашей и салом и просят помощи на охоте. Затем каша разбрасывается по тайге: это жертва богу Онку, охраняющему леса и горы. После этого каждый из них, налив в маленькую чашечку спирту, мочит в нем указательный палец и по капле бросает во все четыре стороны, немного пьет сам, остальное же выливает в огонь. При этом они снова обращаются к богу с просьбою дать им удачный улов и счастливую охоту. Затем удэхейцы надевают свое рабочее платье и приступают к работе.

Редко удэхейцы соболюют в компании, редко даже два человека—в большинстве случаев они охотятся в одиночку. У каждого свой район, свое место, доставшееся ему в наследство от отца и деда. Здесь, в горах, в маленькой юрточке проводит он долгие зимние месяцы. Вся окружающая природа полна чудес—создания его собственной фантазии и

воображения. Всюду он видит козни злых духов, мешающих ему спать спокойно. Вот почему каждый удэхеец всегда имеет при себе изображение духа-покровителя, который может оградить его от бед и несчастий. Он мажет ему губы кровью соболя и просит защитить его от происков чорта.

Застанет удэхейца ночь в дороге, он остановится, осмотрится и где-нибудь тут же расположится под деревом. Как зверь в тайге! Где застала его ночь, тут он и заснул, а на утро пошел опять дальше. Помню, один раз мы нашли место, над которым остановились в недоумении. Человек здесь спал или зверь? Во время наводнения вода подмыла берег и образовала пустоту под яром, сверху нависла дерновина; ни следов огня, ни травы, ни подстилки не было видно, а между тем, все говорило за то, что тут кто-то спал. Подошедший проводник рассеял наше недоумение: ремешок, струганая палочка и кусочек выделанной кожи свидетельствовали о том, что здесь ночевал охотник.

Во время охоты на соболя, когда зверок настигнут и загнан в дупло дерева, приходится иногда ночевать без огня. Стоит только представить себе одинокого охотника, ночующего в лесу в морозную ночь без костра, чтобы понять с каким трудом и с какими физическими лишениями добывается соболиный мех—этот предмет городской роскоши, ценимый высоко, но далеко не оплачивающий труды зверолова!

У удэхейцев сохранились яркие пережитки группового брака, заключающегося в том, что мужчины одного рода берут себе женщин только из рода матери и ни в коем случае не из рода отца.

Групповой брак удэхейцев в настоящее время сменился простым обменом детьми между разными родами или приобретением жены, с уплатой калыма, из другого рода. Все опасения заключаются лишь в том, чтобы не взять жену своему сыну из своего рода. Причинами этой замены строго группового брака браком со смешением родов были дробление родовых групп и эпидемические болезни, унесшие в могилу не только многих женщин, но и уничтожившие целые роды, не оставив от них ни одного человека. При таком положении дел удэхейцам пришлось искать себе жен не только на стороне у других родов, но и брать их у тунгусов и у гольдов.

Едва родится мальчик, как родители начинают подыскивать ему жену. Отец часто совершает для этого длинные путешествия. Родители жениха сперва наводят справки о ро-

дителях невесты: какого они рода, откуда, как живут, хорошо или худо. Делается это больше ради обычая, потому что ныне удэхейцев так немного, что все они наперечет знают материальное положение каждого сородича. Спрашивают также, далеко ли живет род зятя и какой предлагается выкуп (т о р и). Если условия подходящие, то вопрос разрешается тотчас же. Согласия детей не спрашивают—судьбу их решают родители. В виде задатка свекр или сам жених дает тестю один или два серебряных рубля и железный котел. Выкуп уплачивается, согласно уговора, или тотчас сразу, или частями впоследствии. Обыкновенно калым состоит из двух или трех котлов, нескольких расшитых рубашек и одного или двух копьев.

«Т о р и»—котел и копья—является отголоском того далекого прошлого, когда удэхейцы доставали эти вещи через десятые руки с большим трудом и ценили очень дорого. Привозили их айны или гиляки окружным путем через Сахалин из Японии или китайцы из Маньчжурии. Обычай этот сохранился и по сие время, имеет место и в празднестве медведя, и при уплате штрафа, и на похоронах при снаряжении покойника в загробный мир.

Малолетняя невеста остается жить у родителей до 12-ти летнего возраста, а потом уже переходит в дом мужа, или же сразу перевозится свекром в свою семью. Это тоже зависит от уговора. И в этом и в другом случае девочка живет и играет вместе со своим маленьким мужем. Родители за их половой жизнью не следят, и супружеская жизнь начинается у них естественно сама собой, как только они физически разовьются и поймут значение брака.

Если у удэхейца есть сын и дочь, то он подыскивает в другом роде такую же семью, где есть мальчик и девочка. Родители обмениваются дочерьми, и вопрос, к обоюдному удовольствию их, разрешается без всякого выкупа.

Общий строй рода а г н а т н ы й. Переход сына в дом д е в е р я считается унизительным и вызывает насмешки со стороны других удэхейцев. При заключении брака особых церемоний нет. Брат выносит сестру из юрты на плечах и передает ее жениху. Новый зять увозит невесту, и тем все дело кончается. В браке нет ничего необычного, и потому брак разрешается просто, естественно.

Отголоски группового брака сохранились еще в следующем: «М у ж ч и н ы с ж е н щ и н а м и о д н о г о с н и м и р о д а н е м о г у т з а и г р ы в а т ь и ш у т и т ь». Поэтому, по отношениям между мужчинами и женщинами,

можно судить, к каким принадлежат они родам. Если отношения эти сдержанные, если мужчины и женщины между собою мало говорят, это значит, что они одного отцовского рода, и чем суше эти отношения, тем родство ближе. Брат с сестрой почти не разговаривают между собою. Если отношения развязны: мужчина заигрывает, а женщина ему отвечает—это значит, она из того рода, откуда его мать или жена его брата, а потому все женщины этого рода не запретны.

У удэхейцев нет целомудрия ни до брака, ни после брака. Случаи общности жен, как пережитки, еще бывают. Лет двадцать пять тому назад можно было найти у двух братьев одну жену. Официально она была женою одного брата, а на самом деле, с ее согласия, жил с нею и второй брат, равно каждый из братьев мог пользоваться ласками жен и других своих братьев. Но эти отношения строго распределялись по соответствующим поколениям. Например, свекор не мог рассчитывать на внимание своей невестки. Зато на эту женщину, в отсутствии мужа, имели права все мужчины этого рода, но опять таки в соответствующем поколении и с ее согласия.

Однако, это не дает права заключить, что удэхейцы безнравственны. Наоборот, они высоко-нравственны: у них совершенно нет проституции. Венерические болезни среди них появились лишь в последнее время и занесены русскими и китайцами.

При таком общественном строе, при такой заботе о человеке, вообще, и при таком внимании к чужим интересам, у удэхейцев ничто нас так не поражает своим диссонансом, как обычай кровавой мести. В настоящее время этот страшный обычай едва ли сохранился даже у туземцев, живущих в самых истоках рек, куда еще русские не успели проникнуть.

Случилось несчастье, — охотник убил другого, может быть нечаянно. Ужасная весть сразу облетает все окрестности. Особенная опасность грозит той семье, к которой принадлежит виновник убийства. За смерть насильственную нельзя не мстить, ибо душа убитого никогда не попадает в царство теней и потому будет вечно странствовать по земле, вопиять о мщении и, наконец, озлобленная, перейдет к чорту. Вот почему месть—святое дело. О бегстве никто и не думает. Тут может быть один только выход—вооруженное столкновение. Страшный закон тайги «кровь за кровь» встает во всем своем мрачном величии. Мстители с холод-

ным оружием в руках (огнестрельное брать нельзя) идут к юртам виновных. Последние со всех ближайших рек собираются в одно место. Женщины, старики и дети неприкосновенны. Детьми и стариками считаются все неспособные ловить соболей и, вообще, заниматься охотой. Тогда женщины несут караульную службу. С палками в руках они обходят окрестности и обшаривают кусты. Мстители стараются проникнуть незамеченными, а женщины несут сторожевую службу. Беда, если они проглядели. Тогда атакующие врываются, и вопрос разрешается оружием. Со стороны виновных должен пасть один самый молодой, самый сильный и здоровый мужчина. Если же потери были с той и с другой стороны, то у виновных должно быть одним убитым больше. Если же атакующие понесли большие потери, — конфликт углубляется *).

Обычай не позволяет пить воду из реки, где живут обороняющиеся, рубить дрова, ловить рыбу, заниматься охотою. Поэтому атакующие несут с собою и воду, и продовольствие. Можно атаковать враждебный род, но нельзя устраивать осаду. Это ограничивает время на месть и заставляет враждующие стороны идти на примирение.

Для разбора конфликта с той и с другой стороны выбирается по одному лицу, принадлежащему непременно к нейтральному роду. Это судебные защитники («Манга» — буква Н и Г произносятся с явственным носовым звуком).

Каждый тяжущийся род старается выбрать такого защитника, который силой своей логики и силою красноречия мог бы защитить их интересы. Собравшись в условное место, два тяжущиеся рода садятся так, чтобы не видеть и не слышать друг друга.

В руках у каждого из них—жезлы (Тыдю), на нижних концах которых деревянные копья, а на верхних — изображения человеческих голов. В таком жезле таится божественная сила, помогающая оратору уговорить враждующие стороны. От этих защитников зависит решение судьбы виновных. Беда, если они будут несговорчивы и не пойдут на уступки. Виновный в убийстве, во избежание нового кровопролития, совсем не присутствует на суде.

---

*) В 1908 году на побережьи моря один раз кровавая месть была остановлена только благодаря энергичному вмешательству братьев Степановых. Чтобы спасти удэхейца Ян-гуя от смерти, автор настоящей статьи, пользующийся некоторой популярностью среди туземцев, должен был взять его с собою. Впоследствии Ян-гуй поселился в другом месте.

Тяжущиеся не могут говорить между собою. Свои требования и свои оправдания они передают через своих избранников.

Разбор дела начинает самый уважаемый и почетный старик всей области (Чжанге). Он идет сначала к стороне, к которой принадлежит виновный, и в кратких словах говорит о происшествии, а затем приглашает их защитника идти вместе с ним к обиженным. Перейдя к этим последним, Чжанге предлагает им выслушать его и выслать с своей стороны оратора. Первый начинает излагать обстоятельства, уменьшающие вину преступника. По уходе его защитник обиженной стороны идет к виновной стороне и старается убедить их в ошибочности взглядов. Так переходят эти ораторы от одной стороны к другой и защищают интересы своих клиентов. Один старается выговорить штраф побольше, другой уменьшить его.

Во время процесса, в случае неуступок одной из сторон, ораторы-защитники грозят прервать переговоры. Все же обычай требует, чтобы такое пререкание было возможно длительнее и чтобы ораторы несколько раз делали вид, будто хотят ломать жезлы, что должно повлечь за собою снова открытие военных действий.

Наконец, обе стороны приходят к обоюдному соглашению. Виновный в убийстве, а если он не в состоянии, то вся его семья или весь род должны заплатить семье потерпевшего примерно: 8 котлов, 6 копий, 30 расшитых одежд и 30 соболей. После этого со стороны виновных для того, чтобы все же кровь была пролита, убивается несколько собак, и инцидент считается исчерпанным. Так у них теперь разбираются и все дела, все тяжбы, нарушающие их патриархально-коммунистический строй, например, случаи похищения женщин, захват чужого места охоты и т. п.

Штрафы (байта) имеют более широкое применение в жизни удэхейцев, чем можно это думать. Всякие мелкие нарушения принципа родового строя, патриархальности семьи, единства крови или культа предков разрешаются самими удэхейцами без всякого суда и ни одной из сторон не приходит в голову оспаривать эти обычаи, освященные предками и веками. Например, штраф платится за опрокинутый берестовый ковш с водой в юрте хозяина, за забытое оружие, за взятый по рассеянности чужой кисет, за то, что гость нечаянно упадет в чужом доме, а также, если удэхеец, проходя мимо, видит открытую дверь в юрте и не зайдет в нее. За все платится штраф не более одного котла

или одной расшитой рубашки. За похищенную девушку— 10 рубашек и 1 котел, помимо калыма (т о р и) по уговору, при чем девушка остается женой похитителя, если нет нарушения принципа единства крови. За похищение замужней женщины или насилие платится: 10 рубашек, 3 копья и 2 котла; женщина возвращается к мужу, а виновного бьют палками.

III.

Миросозерцание.

Сказание о происхождении удэхейцев. Тотемные животные. Месть медведю. Хозяин морей. Небесные светила. Шаманство. Севоны. Душа—тень. Загробный мир. Похороны.

Все удэхейцы—анимисты. По их воззрениям, в природе нет ничего неорганического—все органическое, все живое и все человекоподобное. Сама по себе земля есть колоссально живое существо (Муцелляни). Голова земли находится на северо-востоке, а ноги—на юго-западе. С этой точки зрения им понятны землетрясения. Вот почему удэхейцы никогда не задаются мыслью искать на земле начало жизни... Земля сама жизнь, и потому все на ней должно быть живое и все человекоподобное.

По воззрениям удэхейцев, утесы и отдельные скалы—тоже люди, жившие раньше, но окаменевшие. Глядя на быстро бегущую воду в реке, он видит в ней живую силу: то тихую, то бурную, то бешеную, то покойно-несущую на своих волнах хрупкую лодку, то размывающую скалы и ломающую вековые деревья.

Когда удэхейцы плывут на лодке, или идут по тайге, они все время рассказывают друг-другу с кем что случилось, кто что видел и по прихоти своего суеверия населяют тайгу разными чудесными существами.

Они кругом видят жизнь. Смерти нет. Она возможна только от козней злых духов... Вот почему охотник, найдя в тайге мертвого соболя, не тронет его и поспешно уйдет на другое место.

Лодку можно долбить из живого дерева, при этом и рубят его с особыми заклинаниями. Дерево, принесенное водою—мертво. Великая опасность грозит человеку, который позарится на плавник и сделает из него себе лодку.

Глядя на следы соболя, лисицы или выдры, удэхеец видит, как каждое животное, спасаясь от преследования охотника, хитрит, путает свои следы и старается обмануть человека. Глядя, как бурундук в ясный день выносит на сол-

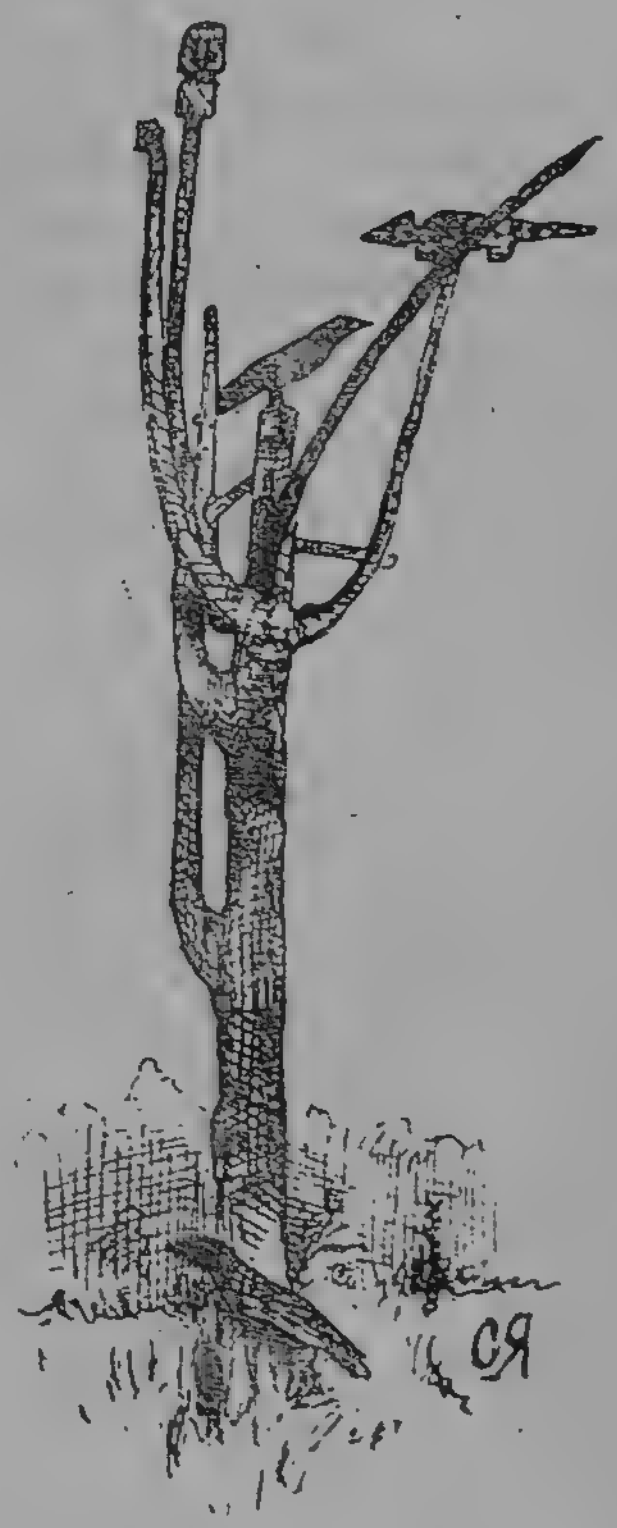
нышко орехи, грибы и корешки, сушит их и снова уносит в норку, он задумывается и видит в каждом животном разум и волю, и потому оно нисколько не ниже человека. Оно человекоподобное, только наружная оболочка его другая.

Высшее божество «Эндури». Он один бессмертен, он никогда не снисходит к людям...

Кроме него, есть еще и второстепенные боги, но они все смертны и живут три поколения. Например—бог лесов и гор „Онку", живущий в самых глухих лесах. Он начальник всех зверей и птиц, он же посылает людям соболей на охоте... Это человек средних лет, угрюмый, с копьем и со стрелами в руках. Людям он никогда не делает зла.

Богом моря является седой старик „Гинихи". Он хозяин рыб и морских животных (Сюгзаа-Адзани). Он посылает касатку нагонять рыб в реки и т. д.

После этих трех добрых богов следует целый сонм злых духов, которые мешают людям жить спокойно. Горный дух—„Какзаму". Удэхейцы представляют его себе худотелым великаном, на тонких кривых ногах и с головой редькообразной, обращенной тонким концом кверху. Какзаму обитает в самых истоках рек среди скал и осыпей. Он хватает людей, превращает их в камни (Када-ни) и заставляет окарауливать сопки.



Фигурное дерево—местообитание чорта „Окзо". Р. Кусун.

Нам понятен тот страх и волнение, которые охватывают удэхейца, когда он случайно попадает в скалистое ущелье. В руках у него факел из бересты. Он зажигает его при малейшем намеке на опасность и торопливо с криками проходит страшное место, оглядываясь на утесы, имеющие человекоподобную форму.

Чорт «Боко»—это горбатый карлик, на одной ноге и с одной рукой. Он живет в болоте. Благодаря его козням, люди часто блуждают в лесу и не могут найти дороги.

Самый ужасный злой дух—«О к з о». В виде страшной птицы с железными крыльями, с железным клювом и с железными зубами, он, с быстротой молнии, летает по всему свету. У него нет пристанища. И вот О к з о является шаману и велит ему сделать фигурное дерево «Т х у н» (буквы Х и Н с носовым звуком произносятся чуть слышно). Окзо точно указывает, где и какое дерево надо поставить и какие должны быть на нем изображения птиц, людей и животных. Шаман должен исполнить требование Окзо, иначе чорт найдет пристанище в его доме, и тогда шаман погиб безвозвратно. Вот почему все удэхейцы боятся места, где стоят такие Т х у н, никогда не ходят туда ночью и даже днем стараются обойти их стороною.

Гром «А г д ы». Это дух, изрыгающий пламя изо рта и имеющий вид змеи с лапами и с крыльями. Если Окзо долго находится в одной местности, Эндури посылает Агды и гром гонит чорта. Окзо в страхе убегает. Вот почему на футлярах шаманского бубна всегда изображен гром в виде дракона, изрыгающего изо рта пламя.

Сидит ли удэхеец у огня, он смотрит, как двигаются языки пламени, колеблющиеся и замирающие, то короткие, то длинные. Он видит, как из углей образуются фантастические гроты и скалы, как все это быстро меняется и принимает другую форму и рушится. Он задумывается и приходит к убеждению, что огонь есть тоже жизнь. В каждом роде—свой огонь. Поэтому огонь нельзя резать ножом, ворошить палкой, рубить топором, заливать водою. Можно только поправлять щипцами и, вообще, с ним следует обращаться осторожно. Уносить огонь из юрты нельзя. Это разрешается только мужчине сородичу. У стариков хранится родовое огниво, которое передается в наследие из поколения в поколение. В этом огниве скрыта чудесная сила огня.

Среди зверей есть запретные (тотемные) животные. Впереди стоит медведь и тигр. Это очень отдаленные сородичи.

Чрезвычайно интересно сказание о происхождении удэхейцев.

Некогда жил на земле один человек, «Е г д а», со своею сестрою. Других людей не было. Однажды сестра говорит брату: «Ступай, поищи себе жену».—Брат пошел. Шел он долго и вдруг увидел юрту. Войдя в нее, он увидел голую женщину, очень похожую на его сестру. «Ты моя сестра?»,—спросил Е г д а. «Нет»,—отвечала она. Е г д а пошел назад. Придя домой, он рассказал сестре все, что с ним случилось. Сестра ответила, что виденная им женщина чужая и в этом нет

ничего удивительного, потому что все женщины похожи друг на друга. Брат снова пошел. Сестра сказала, что и она пойдет в другую сторону искать себе мужа. Но кружною тропою обогнала брата, прибежала в ту же юрту, разделась и села опять на прежнее место голая. Брат пришел, женился на этой девушке и стал с нею жить. От этого брака родились у них мальчик и девочка. Однажды, в отсутствии отца, мальчик играл на улице и ранил стрелою птицу «Куа». Она отлетела в сторону, села на ветку дерева и сказала: «Зачем ты меня ранил?» Мальчик отвечал: «Потому что я человек, а ты птица». Тогда Куа сказала: «Напрасно ты думаешь, что ты человек. Ты родился от брата и сестры и потому ты такое же животное, как и все прочие»... Мальчик вернулся домой и стал рассказывать об этом своей матери. Последняя испугалась и велела сыну ничего не говорить отцу, иначе он их обоих бросит в реку... Когда вернулся отец, мальчик начал было говорить о случившемся, но мать закричала на него: «Что ты болтаешь? Отец пришел усталый, а ты говоришь глупости!»... Мальчик замолчал. Ночью, когда все легли спать, отец стал расспрашивать сына, что с ним случилось... Мальчик рассказал все... Тогда Егда понял, что сестра его обманула. На утро он на лыжах пошел в лес, нашел крутой овраг, раскатал дорогу и на самой лыжнице насторожил стрелу. Вернувшись домой, он сказал сестре: «Я убил сохатого, ступай по моему следу, спустись в овраг и принеси мясо»... Сестра одела лыжи, пошла, скатилась в овраг и убила сама себя стрелою. Тогда Егда взял сына и дочь и понес их в лес. Скоро в лесу он нашел дорогу, по которой всегда ходил медведь, и бросил здесь девочку. Дальше он нашел дорогу, где ходила тигрица, и бросил там мальчика, а сам пошел к реке и бросился в воду. Девочку подобрал медведь и стал с ней жить, как с женою, а мальчика подобрала тигрица и стала жить с ним, как с мужем. От первого брака произошли все удэхейцы. Второй брак был бездетным. Вот почему удэхейцы считают медведя своим родоначальником, вот почему оба эти животные и стали тотемными. Сказание говорит дальше, что мальчик вырос и стал заниматься охотою. Однажды на охоте он увидел медведя и смертельно ранил его стрелою. Умирая, медведь сказал ему, что он был мужем его сестры и сделал следующее завещание: чтобы на будущее время никогда не давать сестре есть мясо медведя, убитого братом, чтобы женщина никогда не спала на шкуре его и берегла его ost penis, передавая потомству по женской линии. Все это до сего времени строго соблюдается удэхейцами.

Теперь перейдем к празднику съедения головы медведя.

Если медведь был убит далеко, то непременно надо взять его голову. Бросить голову—великий грех. Охотник, убивший медведя, собирает всех окрестных удэхейцев в свою юрту. Иные приезжают издалека.

Дня за два до праздника, женщины приготовляют во множестве разные явства. Надо покормить всех гостей до отвала. Сваренную голову медведя завертывают в его же шкуру, шерстью наружу, и перевязывают тонкой веревкой. На этом празднике не должно быть спирта — это грех... Когда гости все в сборе, охотник, убивший медведя, передает голову зверя любимому зятю. Последний, приняв ее, ставит перед собою на нары. Обычай требует, чтобы принявший голову некоторое время отказывался от сделанной ему чести. Его долго уговаривают. Наконец, уступив просьбам гостей, он подымает голову и прижимает к своей груди, затем ставит ее на прежнее место и разрезает ножом веревки. Развернув шкуру, он отделяет возможно больший ломоть мяса от щеки с наружной стороны головы, делит его на столько равных частей, сколько гостей присутствует на празднике. После этого он берет длинную заостренную палочку, надевает на нее мясо по одному кусочку и подает его, по очереди, каждому гостю, непременно обходя хозяина.

У кусунских удэхейцев самый старший в роде подает кусочек мяса на острие ножа и первый кусок подается самому охотнику. При этом старик говорит свои пожелания счастливой охоты и на будущее время.

После этого медвежью голову едят все, кто хочет, кроме охотника и женщин. Великий грех уронить на пол мясо. Если хоть капля сала упадет на дерево, то место это выскабливается ножами и выжигается огнем. Когда череп будет совершенно очищен, хозяин опускается на одно колено. Против него, тоже на одно колено, становится тот, кто свежевал голову и раздавал гостям на палочке мясо. Этот последний, взяв в руки теперь уже голый череп медведя, с рычанием, изображающим рев зверя, быстро передает его в руки хозяина. Хозяин, приняв череп, прижимает его к своей груди, выносит на улицу и укрепляет его на шесте так, чтобы не достали собаки.

Женщинам воспрещается присутствовать на празднике. Они уходят к соседям и возвращаются домой только тогда, когда голова будет вынесена из юрты.

Раз медведь олицетворяет сородича, то к нему, следовательно, применимы и все обычаи людей. Например, кости его хоронят, для чего делается особый гроб в виде сруба. Впоследствии удэхейцы стали медвежьи кости складывать

в дупла деревьев и топить в реке. В тайге черепа медведей закладывают в развилки деревьев, повыше от земли, предварительно обвязав их мелкими хвойными ветками. Ветки эти имеют двоякое назначение: они изображают кожу с шерстью на голове зверя и замаскировывают череп от глаз хищных птиц.

Медведю, покусившемуся на жизнь охотника, полагается мстить так же, как и человеку. Если медведь растерзает охотника, то удэхейцы не успокоятся до тех пор, пока не убьют виновного зверя. Только тогда душа усопшего попадает в царство теней. Догнав животное, охотники выкалывают ему глаза и обрубают когти, мясо его бросают на съедение воронам и собакам. Шкура бросается в лесу также. Люди вырезают у него сердце, поджаривают его на огне, разрезают на части и разбрасывают по сторонам. Это знак высшего пренебрежения и ненависти. Череп пробивается и вешается на дерево, поставленное для чорта Окзо.

Третьим, «т о т е м н ы м» животным будет «К а с а т к а Т е м у» (Orca gladiator). Тему боятся все морские обитатели. Перед ней все трепещут, от нее нет спасения, и ластоногие (сивучи и нерпы) бегут и натыкаются на охотника. Вот почему удэхейцы, как только завидят касатку, молятся ей, просят не трогать их и бросают в воду спички, листочек табаку или кусочек сахару в виде жертвы. Они ужасно боятся пустых лодок, выброшенных волнением на берег. Это одежда, оболочка Т е м у. Он сбросил ее с себя и пошел бродить по лесу. Величайшей опасности подвергается человек, если вздумает присвоить себе такую лодку.

У удэхейцев много предрассудков и разных примет. Эти предрассудки пугают их, заставляют всего остерегаться, всего бояться. Например, нельзя носить унты из бычьей кожи, — обидится сохатый. Белку можно жарить только вверх головою, а рыбу обратно, вниз головою. Нельзя играть костями кита, выброшенными на берег, — море будет сердиться. Нож, которым пришлось освежевать сивуча, нельзя носить при себе во время охоты на медведя. Нос соболя, при снимании шкурки, надо оставлять у животного; то же самое относится и к нерпе. Ранения и язвы нельзя показывать женщинам и т. д.

Ночное небо, со множеством светил, заставило лесных людей распределить все звезды на созвездия и создать свой зодиак: Млечный путь — «Б у а - г и д ы н и». Это следы лыж старого Канда и молодого Е г д а. Раньше небо было низко; Канда и Егда отправились, шли много лет; вдруг небо стало

медленно подниматься и ушло в высь, а охотники так и не вернулись на землю. Удэхейцы знают о том, что полярная звезда «Буа-Наммини» неподвижна и находится на севере. Большая медведица «Цзали бангяни» состоит из семи звезд: четыре образуют амбар (цзали), медведь идет к нему красть рыбу, а люди его преследуют. Кассиопея—«Огбэ», т.-е. сохатый. Весы—«Куни», т.-е. лебедь. Плеяды—«Нада-одега», т.-е. семь девиц и т. д.

Шаманский идол.

Высшее божество никогда не снисходит к людям. Удэхейцу приходится иметь дело только с низшими богами. Если у него идет жизнь благополучно, значит ему помогают родовые боги. Но иногда в его жизнь вторгаются злые духи и нарушают спокойствие. Вот почему, при всяком несчастьи, при всякой неудаче, удэхеец забывает о существовании своего доброго бога и прежде всего старается изгнать чорта. Иногда это удается ему сделать самостоятельно, но если чорт силен и изгнать его он сам не может, то прибегает к помощи шамана («Сама»). Вот почему во всякой почти семье есть бубен, вот почему в каждой почти семье есть кто-нибудь, кто хоть немного умеет камланить *). Но это далеко не шаманы. Шаманов очень мало; они все наперечет. «Он мало-мало шаман», говорит удэхеец. «Он большой, крепкий шаман (Сагды-самани)», говорит он про настоящего шамана.

Шаманство не есть религия, это особая форма психоза, которая должна исчезнуть вместе с той почвой рели-

*) Камланить—от слова «кам», что значит на языке тюрко-татар—шаман.

гиозного миросозерцания, на которой она зародилась. С нашей точки зрения, все шаманы неврастеники и дар свой получают наследственно.

На р. Амуре и, вообще, в сфере влияния русских и китайцев, шаманство стало быстро подвергаться разложению и уже недалеко то время, «когда этнографы, лишившись живых видимых источников, должны будут, подобно историкам и археологам, пользоваться вещественными остатками для воссоздания быта уже несуществующего» *). В глубине гор и лесов, в стороне от больших водных путей и грунтовых дорог, шаманство еще сохранилось. На Амуре шаманы пляшут для забавы по заказу, смеются сами и над ними смеются. Это ловкие люди, часто ленивые и не верящие тому, что сами прорицают во время камлания. В истоках рек, у самого подножья Сихотэ-Алиня, где удэхейцы сохранились в большей чистоте, там мы видим совсем иное отношение к шаманству.

Шаманство это страдание, которое будет сопровождать человека всю жизнь. Настоящий шаман глубоко убежден, что духи являются ему во сне и указывают, что надо сделать, чтобы помочь людям, как изгнать чорта, как найти пропажу, дать добычливую охоту или исцелить тот или иной недуг.

Если молодой человек, еще не достигший полного физического развития, становится молчаливым, начинает задумываться, тосковать, худеть и плакать по ночам, его жалеют, ибо знают, что он будет шаманом.

В 1907 году в прибрежном районе на р. Кусуне я имел возможность видеть, как один юноша сделался шаманом. Когда родители поняли, каким тяжким и неизлечимым недугом он заболел, они послали за шаманом на р. Уленгоу. Если этого не сделать, человек будет худеть до тех пор, пока не умрет. Прибывший шаман в тот же вечер стал камланить и вызвал другого шамана с реки Нахтоху. По прибытии последнего они вдвоем вызвали третьего шамана с р. Такемы. Вот все три шамана в сборе. Ночь они провели в бодрствовании, а пред рассветом после камлания по очереди погрузились в сон. Их никто не будил до тех пор, пока они сами не проснулись. Когда встал последний шаман, они стали рассказывать друг другу свои сны. Один видел кости кита, другой—красную скалу, третий—сухостойный лес, много раковин, хо-

---

*) В. М. Михайловский. Шаманство. Сравнительно этнографические очерки. Известия Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Том XII. 1892 г., стр. 4.

лодный источник, голую сопку и т. д. Сопоставляя виденное во сне, они старались угадать, где в ближайшем районе все это находится. В совещании принимали участие все старики и охотники, хорошо знающие окрестности. Наконец, такое место было найдено. Это устье реки Суданэрл около мыса

«Севохи», изображающий медведя в сидячем положении.

Арка. На следующий день шаманы отправились туда, захватив с собою и больного. Там ежедневно на рассвете, до восхода солнца и вечером после заката его, они силой заставляли юношу камланить. Один шаман держал его за плечи, второй втискивал ему в руку колотушку и третий заставлял бить в бубен. С юношей каждый раз происходили сильные при-

падки, он в корчах кричал, метался и впадал в глубокие обмороки. Наконец, после одного из таких насильственных камланий, он погрузился в долгий и глубокий сон. Он спал и (по его словам) видел во сне духа, который сказал ему: «Ты будешь служить мне, а я стану помогать тебе». Когда юноша проснулся, он попросил бубен, сам стал бить в него колотушкой и запел шаманскую песню. Болезнь его прошла, и с этого момента он сделался шаманом.

Севон это дух; севохи — изображение духа. Название их бурханами, идолами совершенно неправильно.

Обычно чорт принимает вид какого-нибудь живого существа и в таком виде входит в человека и мучает его. Например: судороги, удушье по ночам, истерика, нервные припадки и т. д. Из всех болезней самая страшная падучая с судорогами. Это лисица «Чигали». Видеть ее нельзя. Она севохи злого духа. Проникнув в тело человека, Чигали тянет жилы. Не всякий шаман может изгнать эту лисицу. Это делается в полночь, при затушенном костре. После камлания Фуданку-чигали при криках выносится наружу, разрывается на мелкие части и рассеивается по ветру.

В случае, если удэхеец имел несколько раз подряд неудачу на охоте, он идет к шаману и рассказывает ему о происшествиях. Во время камлания, когда шаман находится в состоянии автогипноза, он видит, как перед ним проходят разные духи в образе зверей, людей и птиц. Он погружается в сон и, очнувшись, комбинирует виденное в одном образе. Вот почему каждый раз необходимо точно расспросить, как самого шамана, так и больного, для чего сделан тот или иной севохи или фуданку и какое значение имеют те или другие его особенности. Например: севохи, имеющий вид человека, с медвежьей головой, с железными зубами и с крыльями. Крылья у него для того, чтобы севохи мог летать и догнать чорта, железные зубы затем, чтобы он мог вступить в борьбу. Охотничьи принадлежности, привязаны к его поясу, так как севохи в поисках за чортом придется совершать длинное путешествие по тайге и ночевать биваками и т. д.

Кроме того, у удэхейцев есть еще «мяонки». Это тоже нечто вроде севохи, но малого размера. Делаются они против разных болезней, но не ставятся в юрте, а пришиваются к одежде с внутренней стороны. «Мяонки» делаются по указанию шамана и представляют из себя изображения людей, зверей, птиц, змей, рыб, насекомых, а чаще всего это какие-нибудь отвлеченные предметы: пуля с кусочком крас-

ной тряпочки, три шпильки, нашитые на лоскуток кожи, пружина от ружейного замка, зашитая в беличий мех и т. д.

Жилище шамана обставляется особыми севонами. На самом видном месте стоит огромный севохи «Мангни» (буквы Н и Г произносятся вместе с носовым звуком), именно тот, которому служит шаман и который помогает шаману в камлании. У него на груди сделаны изображения металлических зеркал. В них отражаются злые духи, приближающиеся к дому шамана. «Мангни» пустотелый, что означает голод. Он должен пожрать чорта. Сердце сделано в виде птицы. Оно должно трепетать так, как бьется привязанная за ноги птица. Сбоку изображение жабы. Без этого знака севохи будет безжизненным куском дерева. На ногах вырезаны ящерицы (Эхелля)—символы быстрого движения. Ноги должны двигаться так же быстро, как бегают ящерицы в теплый солнечный день. Руки обернуты змеями, чтобы они не были ломкими; на руках шесть пальцев, чтобы он крепче держал в руке копье и т. д. Рядом с Мангни стоят два его помощника об одной ноге. На голове у них прикреплены огромные пешни вроде мечей. Они без рук, чтобы всю силу удара могли сосредоточить в голову.

Множество изображений медведей, тигров, людей разбросано там и сям по земле. Черепа медведей, медвежьи лапы повешены на деревья и т. д. Перед юртой стоят выкорчеванные пни, воткнутые в землю стволами и вверх корнями (накасэ). На этих пнях вырезаны грубые подобия человеческих лиц, самые корни изображают волосы. Тут же, где-нибудь поблизости, стоят две или три лиственницы без сучьев и с кольцевыми вырезами по коре. Иногда на лиственницах укреплены деревянные птицы «Куа». На дороге, ведущей к юрте, поставлены колья с изображением человеческих голов (Цзайгда); они тоже ограждают жилища шамана от посягательств чорта.

Необходимой принадлежностью шаманского костюма является короткая юбка из нерпичьей кожи, отороченная по подолу цветной полосой, на которой опять-таки нашиты люди, звери и птицы.

Чорта надо запугать сильным шумом, для чего шаман одевает тяжелый пояс, увешанный сзади множеством железных трубок, подымающих во время пляски неистовый лязг. Его надо запугать страшным видом, для чего служит маска, отороченная мехом медведя. Чорта может прогнать только гром. Этот гром шаман изображает с помощью бубна (Ункту). Бубен представляет из себя обруч, обтянутый с одной стороны кожей, а с другой имеются веревочные кре-

стовины в виде змей, обращенных в разные стороны головами. Шаман держит бубен в одной руке за крестовины, а в другой колотушку в виде тоненького загнутого валька, обтянутую мехом выдры, с изображением быстроногих ящериц. В бубне таится великая сила—гром. Когда она оставляет бубен, кожа с треском лопается. Это великое несчастье. Шаману угрожает смертельная опасность. Тогда чорт имеет свободный доступ в его жилище. Для предохранения бубна от порчи его держат в берестяном футляре, на котором изображены змея с крыльями (Агды), медведь (Мафа), тигр (Амба), бездна (Сункта) и властитель морей (Тэму).

Удэхейцы полагают, что у каждого человека есть две тени: одна световая, другая астральная. Последняя имеет вид человека, которому она принадлежит. Если тень его оставит, он теряет рассудок и становится сумасшедшим. Тень удаляется в загробный мир. Не всякий шаман может вернуть ее обратно. Это чрезвычайно трудное дело и под силу только очень сильному шаману.

В 1909 году, зимой, когда я шел по р. Анюю около притока ее Тормасунь, мне удалось присутствовать при одном таком камлании. Дело было так. Один молодой удэхеец шел при луне по льду реки и вдруг увидал, что от него отделился такой же человек, как он сам, и бросился в сторону. Больной страшно испугался, еле добрался до своей юрты, лег на пол и стал заговариваться.

Тотчас родные послали за шаманом, который, к счастью, оказался живущим недалеко. Всю ночь и весь следующий день больной метался в бреду. Вид у него был дикий, испуганный и растерянный. На третий день, когда на западе угасли последние отблески вечерней зари, пришел шаман, и начались приготовления к камланию. Женщины взяли листья багульника, зажгли их так, чтобы они не горели, а тлели, и поставили к ногам шамана. По всей юрте распространился едкий ароматичный дым смолистого растения. Затем два удэхейца взяли в руки тлеющие листья багульника и стали ими обтирать одежду шамана, начиная от головы и кончая подошвами его обуви. Пока делались эти приготовления, одна старуха нагревала кожу бубна над огнем и слабыми ударами колотушки пробовала, достаточно ли она натянулась.

Огонь в юрте был притушен, в очаге оставались одни только тлевшие уголья. Наконец, очищения были кончены. Шаман одел юбку, нагрудник, на голову нацепил длинные ленты из стружек и подвязал позвонки к поясу. Он сел у огня по-турецки и, прислонив лицо к коже бубна, начал

петь свою песню. Пение его было похоже на плач и чрезвычайно напоминало мне голосование (причитывание), которое в детстве приходилось мне слышать в деревне у русских женщин, на могилах их родственников. Наконец, началось и самое камлание. Шаман встал, начал сильно бить в бубен, он как будто пел и плакал в то же время. Он сильно потрясал позвонками и плясал вокруг угасавшего костра. Пение его становилось громче, удар в бубен сильнее и пляска неистовее. От музыки его становилось жутко. Он говорил неясные и не всем понятные слова. Шаман летел в загробный мир. Севон, которому он служил, помогал ему в этом трудном путешествии. На дороге встречалось ему много препятствий. Он блуждал в горах, попадал в болота, шел по лесу во время тумана, то переплывал реки, то встречал тигра и т. д. Глаза шамана были закрыты, лицо покрывалось потом и имело изможденный вид. Но вот он достиг царства теней. Пение его стало тихим, печальным. Теперь шаман стоял на коленях. На минуту он замолчал. Присутствующие сообщили, что сейчас шаман приступит к отыскиванию тени. Перед ним много теней; это души умерших, и все они похожи друг на друга, только травматические повреждения, которые когда-либо человек получил в бытность его на земле, сохраняются и по ту сторону смерти. Шаман должен среди них отыскать пропавшую. Вдруг он заговорил: «Больной десять лет тому назад порезал ногу, у него шрам на правой ступне». Родственники не подтвердили. «У него на правом плече родимое пятно»... «Неверно», отвечала мать... «На левой ноге раньше мизинец был отморожен»... «Да, это было», сказал отец. «На охоте медведь помял его, следы когтей остались у него около бедра, с левой стороны». «Тоже было». «Ребенком он ушиб колено» и т. д. По этим признакам шаман нашел душу. Тогда он поднялся и стал подходить к больному с пляской. Сумасшедший пришел в большое волнение: он бился, стонал, царапал себе грудь, но не вставал с земли. Шаман вытянул над огнем свой бубен, и вдруг я увидел на нем какое-то небольшое черное животное, похожее на мышь. Зверок быстро бегал по кругу и, несмотря на то, что шаман наклонял бубен, маленькое животное царапалось по коже и взбиралось к обручу, не падая на землю. Тогда шаман направился к душевнобольному и быстро сбросил черное животное на раскрытую грудь бесноватого. Женщины быстро запахнули халат. После этого шаман взял прутик, привязал к нему обрывок бересты, намазанной сажей, и стал читать свои заклинания, несколько раз проводя этой берестой по лежащему на земле больному от головы до ног

и обратно. Обряд был кончен—тень найдена и возвращена человеку.

Теперь шаману предстояло спуститься на землю. Иногда спуск бывает медленный, тихий, спокойный, иногда на пути встречаются опять препятствия. Иногда же спуск бывает быстрым и похожим на падение. В данном случае шаман метался, кружился, затем прыгнул в самую середину огня и ногами разметал уголья в разные стороны. Шаман упал на землю и тотчас же заснул. Больной спал тоже. На другое утро он выздоровел совершенно.

Вне всякого сомнения, что целый ряд нервных заболеваний шаманы могут излечивать с помощью гипноза. Допустим, шаман знал больного и, вероятно, уже не один раз излечивал его от недуга. Болезнь протекала каждый раз в одном и том же порядке, и он вперед знал, чем все это кончится. Но черный зверок, которого я видел? Вероятно, и я находился под влиянием общего гипноза.

По представлениям удэхейца, все живое на земле имеет душу. Со смертью душа оставляет тело, но не уходит далеко, а витает некоторое время около юрты, ожидая, когда шаман отведет ее в загробный мир. Это чрезвычайно трудное дело. Только настоящий шаман может выполнить эту миссию. Шаман на пути также встречает неимоверные трудности, нередко возвращается обратно и на другой день вновь начинает странствования. Если шаман не доставит душу на тот свет, то она будет скитаться по земле и перейдет во власть чорта, сама сделается чортом и будет вечно мстить своему роду. Загробный мир (Буни) находится очень далеко, в той стране, где солнце во время заката скрывается за горизонтом. Там душа, в течение одного поколения, живет такою же жизнью, как и на земле, люди так же ловят рыбу, так же охотятся, женятся и снова умирают. После второй смерти, душа становится меньше и уносится еще дальше на запад, где снова живет одно поколение, опять умирает и опять летит на запад, к заходящему солнцу, становится все меньше и меньше, пока и совсем не исчезнет. Вот почему на могилу покойного кладутся все его вещи. Все они должны быть поломаны, изорваны и, вообще, испорчены. Вещи эти будут нужны покойному и на том свете, как и на этом.

Удэхейцы особенно тщательно рассматривают мелких насекомых, наприм., тлю. Она мала, ничтожна и, следовательно, находится накануне полного исчезновения. Где-то есть другой мир, где тля была огромным животным. Ныне земля для нее — последняя стадия жизни.

Как только человек начинает умирать, его предоставляют

самому себе. Все люди уходят из юрты и не возвращаются до тех пор, пока умирающий не испустит последнего вздоха. Тогда покойника начинают одевать: мужчин одевают в нечетное число пар одежд, женщин в четное. После смерти умершего тотчас же выносят из дому. Над усопшим спешно ставится маленькая юрта, которая со всех сторон окружается стружками (к о т е п т е л я н и), прикрепленными к жердям и палкам. Эти стружки изображают пламя и сохраняют душу от посягательств злого духа. Со смерти покойника в доме его родственников бессменно должны быть посторонние

Тробница, поставленная над покойником, похороненным на поверхности земли.

люди, которые непременно должны говорить, в противном случае в юрте умершего найдет себе пристанище чорт «О к з о».

Отца хоронить должен непременно старший сын, в отсутствие его — младший, наконец, кто-либо из родичей и только в отсутствие этих последних — чужеродцы. Хоронят безотлагательно и тотчас же, как все будет готово. Покойника кладут в гроб, сделанный в виде лодки, потому что душе придется переплывать моря и реки, а голова обкладывается мхом, высушенным на огне. В ноги кладется разбитый котел, а в изголовье и по сторонам спички, ложку, разбитую чашку, трубку и маленькую котомку для загробного путешествия. Покойника обвертывают материей, если есть таковая, и кладут в гроб, который сверху забивается досками, обвертывается берестой, обвязывается ремнями и ставится на два пня, на аршин от поверхности земли. Над гро-

бом делается крыша из досок или корья, чтобы дождевая вода не могла туда проникнуть. Под крышу кладутся нарты, лыжи, копье, стрелы, оморочка, сетка, острога, весла и т. д. Ружье посылать нельзя, потому что с этим оружием душа не попадает в царство теней.

Гроб ставится так, чтобы покойник головою лежал на запад, а ногами к востоку, лицом к восходящему солнцу. Впереди гробницы нередко выставляются севохи, опять-таки, как результат снов шамана или снов ближайших родственников и в особенности в том случае, если во сне явился сам покойник.

Во все время от момента смерти до окончания похорон, что занимает около трех суток, необходимо, время от времени, камланить и отгонять чорта от души усопшего.

Если появится оспа или какая-нибудь другая заразная болезнь, тогда удэхейцы торопятся хоронить покойников и всех без исключения закапывают в землю.

Детей всегда хоронят на воздухе, но гробы не ставят под крышу, а укрепляют в развилках между двумя деревьями. Если гроб ребенка закопать в землю, женщина более не будет иметь детей.

Как только обряд погребения совершен, все люди, кто прикасался к покойнику, совершают омовение головы и рук и бросают в огонь всю свою одежду, равно бросаются также и все те предметы, которые употреблялись при работе: топоры, пила, нарты и лодка, если на ней перевозили гроб за-реку.

На могилы своих родственников удэхейцы никогда не ходят, вблизи их они не охотятся, не стреляют, не рубят деревьев, не мнут траву и не собирают ягод.

Вся семья усопшего, а равно и все родственники носят траур. Женщины распускают свои косы и нашивают на одежду белые полоски. Мужчины, вместо двух кос, носят одну и тоже вплетают в нее белую тесемку.

В юрте на том месте, где жил усопший, вешается его совершенно неодеванная одежда и около нее ставятся новые унты, набитые травою. В течение семи дней, каждый раз при еде, на то место, где жил раньше покойник, ставится чашка с пищею. Когда поедят все люди, чашка выносится и содержимое в ней разбрасывается по тайге. Затем начинают привыкать, что человека этого нет в доме, и об умершем мало-по-малу забывается. Место усопшего в юрте занимает кто-либо из семьи, и все по-прежнему входит в колею обычной жизни.

Список иностранных слов (с объяснениями), встречающихся в тексте.

Ассимилирование—уподобление себе, превращение в себя.
Абориген—туземец.
Экспансивный—стремительно проявляющий свои чувства.
Эгоизм—себялюбие.
Инициатива—почин, сообразительность, проявляемые самостоятельно.
Агнатный—кровный родственник по отцовской линии.
Диссонанс—неблагозвучное сочетание звуков.
Конфликт—столкновение, спор.
Нейтральный—безразличный, посторонний, незаинтересованный.
Логика—правильное мышление.
Патриархальность—порядок, основанный на старинных обычаях.
Анимизм—миросозерцание, по которому все человекоподобное и все живое.
Психоз—ненормальное душевное состояние.
Неврастеник—человек с расстроенными нервами.
Этнография—наука, занимающаяся изучением народов.
Археология—наука, занимающаяся изучением исчезнувших народов по остаткам.
Автогипноз—самовнушение.
Комбинировать—обобщать.
Астральная тень—невидимая, воображаемая тень.
Травматические повреждения—раны, ушибы, переломы, вывихи.

Цена 40 коп.

16255

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Владивосток, Ленинская, 43.
Продажа во всех магазинах
Акц. О-ва „Книжное Дело"
на Дальнем Востоке.